Александр Лекомцев

В тишину отправленные

Александр Лекомцев

В тишину отправленные

«Автор»

2024

Лекомцев А. Н.

В тишину отправленные / А. Н. Лекомцев — «Автор», 2024

Здесь мистика плотно переплелась с реальностью, которая угнетает даже тех, кто привык к грохоту разрывающихся ракет и снарядов, к нудному вою и свисту падающих мин, к шуму пулемётных очередей… Война. Разрушенные жилые дома, больницы, школы, детские сады после артобстрелов и бомбёжек поглощает зловещая тишина. Имя ей смерть. Многие из тех, кого внезапно и неожиданно из земного мира зловещая бойня уже перебросила в иные обители, и понять-то не могут, что их уже нет на белом свете. Некоторые утверждают, что надежда, вообще, не умирает. Она везде и всюду сопровождает наши души. Но это единственное утешение для тех, кто принесён в жертву бесами в человеческом обличье.

© Лекомцев А. Н., 2024
© Автор, 2024

Александр Лекомцев
В тишину отправленные

В двух действиях

Действующие лица:

Пыхайло, Игнат Сидорович – *47 лет*
Ирина Трофимовна – *его жена, 44 года*
Леонид – *их сын, 23 года*
Оксана – *его молодая жена, 21 год*
Анатолий - *ополченец, 23 года,*

Оба действия происходят в полуразрушенном доме.

Большой стол, пять-шесть стульев, тахта, в углу комнаты – разбитый телевизор, журнальный столик, фикус и китайская роза в керамических сосудах.

На стене – несколько репродукций, незамысловатые фотокопии картин.

И ещё – большая русская печь, на которой стоят чугунные котелки и миски.

В углу валяется разный хлам – старая одежда, поломанные стулья, куски штукатурки.

Действие первое

Явственно, где-то, недалеко слышны разрывы снарядов, авиабомб, стрельба. Через мгновение они смолкают. Но зато явственно слышны человеческие стоны, скрипы.

Звучит реквием. Но тихо и не назойливо. Через две-три-три минуты всё смолкает.

За столом сидит Пыхайло*, в синем трико. В его руках старых хромовый сапог, молоток и гвозди. Он сосредоточенно пытается прибить подошву.*

Рядом с ним – Ирина Трофимовна. *В старом домашнем бардовом халате. Держит в руках раскрытую книгу. Пытается читать, временами смотрит на её страницы.*

Он встаёт из-за стола, кладёт сапог и молоток стул, подходит к печке, наливает себе в кружку воды из большой кастрюли. Делает из неё глоток. Ставит кружку на стол. Садится.

Слышаться стоны и скрип половиц. Вскоре звук смолкает

Пыхайло: – Вот видишь, Ирина, наступило затишье. Нас перестали бомбить и снаряды уже сюда не летят. Живём, почти что, в раю. Какая благостная тишина!

Ирина Трофимовна: – Тишина? Сейчас она наступила. Но время от времени я слышу, как кто-то стонет, и скрипят половицы. Это разрывает душу.

Пыхайло: – Неприятно, конечно. Я тоже слышу тягостные звуки. Нет, это не ветер в трубе, потому что трубу оторвало, к чёртовой матери, снарядом.

Ирина Трофимовна: – Кто же стонет тогда в нашей полуразрушенной избе, Игнат?

Пыхайло: – Это стонет наша изба. Она ведь изранена. Она тоже, как и мы с тобой, как миллионы, похожих на нас, изгой в жестоком и кровавом мире.

Опять слышаться стоны и скрип половиц.

Ирина Трофимовна: – Я не верю в сказки, ни в добрые, ни в злые. Но, похоже, что ты прав. Прислушайся, наша изба опять стонет. Её страшно, её обидно… Она ничего не понимает. Изба просто ничего не в состоянии понять.

Он берёт в руки сапог и начинает стучать по нему молотком.

Пыхайло: – И я ничего в состоянии понять. Ничего! Кругом война, Ирина! А ты читаешь какой-то гнусный детектив. Куры не кормлены в загоне.

Она откладывает книгу в сторону.

Ирина Трофимовна: – Какие куры, дорогой мой муж, Игнат Сидорович?

Пыхайло *(продолжает возиться с сапогом)*: – Обычные куры, Ирина Трофимовна. С клювами, с крыльями, с перьями.

Ирина Трофимовна: – Оба сарая разбомбила вражеская авиация. А наши куры, Игнаша, все уже давно на том свете. Кстати, и гуси там же.

Пыхайло: – Надо посмотреть. Может, кто-нибудь из них и выжил.

Ирина Трофимовна: – Вряд ли. В нашем городе в живых остаются только самые счастливые или… несчастные.

Пыхайло: – Скорее, несчастные. Я особой радости от всего происходящего не испытываю.

Ирина Трофимовна: – Однако, все твои действия и поступки говорят о том, что ты думаешь о завтрашнем дне. Ты наполнен жаждой жизни.

Пыхайло *(откладывает в сторону сапог и молоток)*: – Вечно ты со своей иронией и приколами. Почему это я наполнен этой самой… жаждой?

Ирина Трофимовна: – Зачем ты привязался к сапогу? Что он сделал тебе плохого? Почему ты бессмысленно стучишь по его подошве молотком? Это тебе нужно?

Пыхайло: – Нужно! Чем-то ведь необходимо заниматься, Не сидеть же сложа руки.

Ирина Трофимовна: – Без специальной чугунной или железной лапы, или там… колодки ты, Игнат, не прибьёшь подошву к сапогу. Ты же знаешь об этом. Но, всё равно, ведь изображаешь из себя сапожника.

Пыхайло *(встаёт и снова садится)*: – Я так хочу! Мне очень хочется изображать из себя сапожника, И никто мне этого не запретит! Где я сейчас буду искать чугунную колодку? Всё зарыто под землёй бомбами, минами, ракетами.

Ирина Трофимовна: – Успокойся! Не хватало и нам ещё поссорится. Мы же не магнаты, воры и разбойники, которые с помощью танков, пушек и самолётов хотят отобрать у нас

последнее. Мы с тобой, милый мой, давно уже в законном браке *(гладит его по голове).* Мы, как два голубка.

Пыхайло: – Мы – две, почти что, старые или пока молодые вороны, засыпанные землёй и щебёнкой. И не спорь! Я знаю, что это так,

Ирина Трофимовна: – Но прибивать, Игнат Сидорович, таким образом подошву к сапогу – Сизифов труд.

Пыхайло: – Кто такой Сизифов? Очередной убийца? Ставленник кровавой заокеанской демократии?

Ирина Трофимовна: – Был такой в древней Греции гражданин по имени Сизиф. Боги наказали его за грехи. Он постоянно закатывает на высокую гору большой круглый камень, Но тот скатывается вниз. И так постоянно, так вечно.

Пыхайло: – Понял! Да я вспомнил про этого самого Сизифа. Примерно так же идут переговоры о прекращении гражданской войны в нашем государстве. Но не пряже ли было сказать, что это, к примеру, мартышкин труд?

Ирина Трофимовна: – Мартышкин труд на данном этапе исторического развитие уже совсем другое.

Пыхайло: – Ясно, Ирина Трофимовна. Умница ты моя! Но, запомни, что ни одна чёрная заокеанская мартышка не будет тут хозяйничать. Никогда! Пусть в своих резервациях наводит порядок! Допрыгается – отрубим нос по самые помидоры*! (пауза).* А ты вот тоже… детектив читаешь. На кой хрен он тебе нужен?

Ирина Трофимовна: – Это не детектив, Игнат, а красивый роман о верной и вечной любви.

Пыхайло: – В мире зла и ненависти смешон и нелеп роман о любви. Впрочем, сказки, наверное, нам строить и жить помогают. Как пелось в давнишней глуповатой и диковатой песне.

Ирина Трофимовна: – Там совсем другие слова. «Нам песня строить и жить помогает».

Пыхайло встаёт и ходит по комнате.
Слышатся стоны, и скрип половиц. Тут же звуки смолкают.

Пыхайло: – Погоди, Ирина Трофимовна, закончится, скоро, прямо скажу, гражданская, братоубийственная война, – и мы вылечим нашу избу. У меня достаточно силы в руках. Будет ей новая крыша, и добротные стены. Понятно уже. Это стонет наша раненая изба. Я тоже явственно слышу эти стоны. Но, в принципе, вокруг почти тишина.

Ирина Трофимовна: – Но, прямо, великая радость! Нас, наконец-то прекратили бомбить. В тебя, Игнат, перестали на какое-то время швырять снаряды и мины, и ты уже рад, как юный кролик перед совокуплением. Как мало надо человеку для счастья! А что потом? Всё, что

нас ждёт, впереди просто и страшно. Потом, через полчаса или час в нашей избе снова будут взрываться ракеты, снаряды, мины! Мир сошёл с ума!

Он подходит к ней, прижимает её голову к своей груди.

Пыхайло: – Не надо унывать, Ирина Трофимовна, жена моя, раскрасавица! Ведь нам с тобой опять повезло, мы снова остались живы *(садится рядом)*. А мир всегда был сумасшедшим. Закончится война, и тогда…

Ирина Трофимовна: – Закончится нынешняя война и начнётся другая. Там, где самые близкие люди, по чьему-то дьявольскому приказу вдруг возненавидели друг друга и стали уничтожать, уже не обойтись без войны и ненависти.

Откладывает книгу в сторону.

Пыхайло: – Проходит время – и раны зарастают, и жизнь продолжается.

Ирина Трофимовна: – Не все, Игнаша, раны лечатся и зарастают. Многие смертельны или гниют до самого гроба. А те, что излечимы, оставляют шрамы. После второй мировой войны, после разгула фашизма ничего не забылось. Невозможно забыть. И сейчас ведь… то же самое. Даже более жестокие времена.

Пыхайло *(встаёт, опять ходит по комнате):* – Ты права, как всегда, Ирина. Похоже на то, что и сейчас нас уничтожают, именно, фашисты. А ведь они такие же люди, как и мы. Внешне, по крайней мере, подобие наше. Но кто-то же им вот нахально внушил, что мы – люди второго, а то и… третьего сорта. Именно поэтому мы и подлежим уничтожению. Конечно же, мир сошёл с ума! Я буду повторять эту фразу везде и всюду, если останусь в живых. Людей зомбировали бесы и черти, люди заболели, и никак не могут излечиться, Они уже не способны понять пустоту кровавой суеты и собственно мнимой, какой-то, великой значимости. Вот они и убивают нас для того, чтобы утвердить… себя.

Ирина Трофимовна: – Да и не себя даже, а дешёвых зарубежных улыбающихся тварей и недоумков. Другого определения я представителям этой гнусной культуры я дать не имею права. Не заслужили! Не раньше, не сейчас… Я допускаю, что существуют наглые твари, садисты, идиоты, подонки… Ну, ни до такой же степени! Ведь болезнь под названием «фашизм» может стать неизлечимой и очень заразной. Любой «птичий грипп», по сравнению с ней, семечки.

Встаёт с места, подходит к печке переставляет с места на место кастрюли, чугунки, чашки. Снова садится.

Пыхайло: – Фашизм будет пострашней и покруче вируса Эболы. Я не преувеличиваю, Ирина. Ты сама всё видишь, всё испытываешь на себе.

Ирина Трофимовна: – В такое даже поверить невозможно. А ведь с нами это происходит наяву. Представь себе, Игнат, что это не сон! Здесь реальность. Мы – жертвы чьих-то желаний самоутвердится за счёт пролитой человеческой крови. Нас убивают наши недавние друзья и знакомые! Да что знакомые! Родственники! Расстреливают, полуживыми сбрасывают в ямы,

пытают, методично уничтожают. Какой-то за всем происходящим стоит дьявольский математическиё расчёт! За что же нас убивают, дорогой и непутёвый мой муж, Игнат Сидорович?

Пыхайло: – Если бы я знал, Иришка, почему и зачем они это делают, по какой причине они стали такими. Я не знаю.

Ирина Трофимовна: – Ты же умный. Ты уголёк добываешь, мастер, проходчик. У тебя, в конце концов, как и у меня, высшее образование. Но не в образовании и учёных степенях дело. Знавала я академиков и всяких членов-корреспондентов с мышлением, как у болотной цапли. Неужели они не понимают, что смешны. Да чёрт с ними! Мусора всякого кругом хватает.

Пыхайло: – Если у нас наркоманы покупают права на вождение автомобиля, то уж учёную степень при деньгах приобрести запросто можно.

Ирина Трофимовна: – То, что не достаётся собственным потом и хребтом, то очень временно и ненадёжно. А ты у меня, Игнат Сидорович, умный и грамотный труженик, добываешь уголёк. Такое радует.

Пыхайло: – Я уже не добываю уголёк. Ты же знаешь, нашу шахту разбомбили, и когда её восстановят, одному господу богу известно. Пытаются ребята что-то исправить, но… бесполезно. Отдохну вот эту субботу, а завтра пойду помогать растаскивать в стороны битые кирпичи и стекла. Но всё гораздо сложнее… Засыпаны землёй даже штольни.

Ирина Трофимовна: – Зачем всё это?

Пыхайло: – Ты же учитель математики, потому и должна понять, что мирных жителей нашего города убивают расчётливо и целенаправленно. Мы – лишние люди.

Ирина Трофимовна: – Игнат, я не дурней паровоза. Я всё понимаю, Просто, принять не могу ни душой, ни сердцем, ни телом… Все здесь лишние. Даже дети. И не только в нашем городе.

Пыхайло: – Когда кто-то, отдельный гражданин, из наших добрых стран обидит ненароком дворовую собачку, покусавшую с десяток людей, то зарубежные экологи трубят на весь мир о нарушении прав животных, о горе и несчастье. А тут купленные за сраные баксы магнаты стирают с лица земли города и сёла. И ведь экологи ничего не видят! Что же это за экология такая?

Ирина Трофимовна: – Да, такая вот, избранная… экология, направленная не только против человека, но и всего живого. Что за выродки придумали такое вот? Где их берут? Женщины ли их рожают?

Пыхайло: – Вряд ли. Это андроиды – искусственные люди, то бишь, просто двуногие. Подобие людей. Их выращивают, как огурцы, в тёмных бункерах безжалостной и жестокой заокеанской фашистской страны.

Ирина Трофимовна: – Когда установками «Град» снесли с лица земли нашу школу, мне пришлось забыть о том, что дважды два – четыре.

Пыхайло: – Я представляю твоё состояние в тот момент, Иришка.

Ирина Трофимовна: – Я устала лить слёзы, потому что вытаскивала из-под обломков трупы своих учеников: круглых пятёрочников и двоечников. Какая мне разница! Я их всех любила, старалась быть для них, хотя бы, классной матерью. Теперь вот вспоминаю их окровавленные лица, раздавленные кости, оторванные руки и ноги, а то и – головы, и казню себя за то, что была к ним очень строга.

Пыхайло: – Понятно. Ты же – их классный руководитель.

Ирина Трофимовна: – Какой я руководитель? Что говоришь? Нет больше моей школы! Её не существует в природе. Я тоже, как и ты, почти раздавленное и жалкое существо. Как наша умирающая изба, которая ещё цепляется за жизнь, а потому и стонет. Так вот и скажи мне.

Пыхайло: – Что тебе сказать, моя родная? Я не знаю, что и промолвить. Просто, нет таких слов, какие могли бы поведать о моём состоянии. Я совсем скоро боду рычать от злобы, горя и обиды. Разучусь говорить.

Слышатся стоны и скрипы половиц и тут же смолкают.

Ирина Трофимовна: – Скажи мне, за что убивают нас на нашей собственной земле, в наших домах. Молчишь? Тебе нечего сказать. Похоже, что ты скоро и в правду разучишься говорить. Ведь мы хотим жить в мире и согласии. Мы ничего не требуем от тех, кто кровавым путём пришёл власти. Что ж им от нас надо?

Пыхайло: – Не впадай в безумство, Ира! Я же тебе сказал, что не ведаю о том, что за звери напали на нас и почему. Разве мы с ними не одних кровей? Им в одночасье стали ближе и родней бандиты и разбойники, привыкшие не безбедно существовать за чужой счёт.

Ирина Трофимовна: – Мы ведь согласно просто жить, иметь еду и одежду, растить детей… Нам ведь не нужны не крутые яхты, ни дворцы, ни миллиарды долларов. Нам просто надо жизнь. И мы ведь с тобой не воюем в этими бандитами, дети и старики с ними не ведут войну. А эти звери обстреливают даже родильные дома. А ты и я – мирные жители. Так почему же нас убивают? Скажи, мне мой муж и защитник!

Пыхайло *(ударяет кулаком по столу)*: – Ты заладила одно и то же! Да если б я знал! Ох! Если бы я только знал, Иришка, почему и зачем они это делают.

Ирина Трофимовна: – Ничего бы не изменилось, даже если бы ты что-то знал. Ровным счётом, ничего.

Пыхайло: – Ведь даже фашисты той давней войны не были такими жестокими и тупыми. Они не убивали своих. А если и делали это иногда, то не издевались над своими жертвами *(пауза)*. Не пойду я больше ни на какую шахту. Дорога мне выпадет совсем в другое место.

Ирина Трофимовна: – Я поняла. Ты решил вступить в народное ополчение. Ты знаешь, я не стану тебя отговаривать.

Пыхайло: – Почему?

Ирина Трофимовна: – Я тоже пойду с тобой. Видать, нынче и женщинам, и даже детям выпала такая доля… Нет, скорей, не доля, а святое право защищать родную землю от нацистов и уголовных элементов. От всякой мрази. Нет!

Пыхайло: – Но зачем тебе-то? Ты ведь женщина.

Ирина Трофимовна: – В их рядах немало и женщин. Совсем не простых, а доведённых до отчаяния. Теперь защищать от интервентов и захватчиков свою Родину – мой долг!

Пыхайло: – Всё правильно. И говоришь ты, как на митинге, высокими словами. Мне, если честно, дешёвые обещания, лозунги и реклама набили оскомину. Это я не о тебе, конечно, говорю. О нашей жизни, о тех, кто пытается нас зомбировать.

Ирина Трофимовна: – Брось ты, Игнат! Занудливый ты стал какой-то. Я совсем не высокопарно говорю. И не рисуюсь. В такие тяжёлые часы и дни очень хочется быть, хоть немного, патриотом своей родины. Назло мерзавцам всех мастей и скоростей из разных уголков Земли.

Пыхайло *(встаёт и ходит по комнате)*: – Нет мне спокойствия! Потоки вонючего дерьма наплывают на нас из, так сказать, демократической Европы.

Ирина Трофимовна *(тоже встаёт и подходит к нему)*: – Бери дальше, Игнат! Эта волна идёт из заокеанской фашисткой страны. Их фюреры объявили себя радетелями за свободу всех народов. Над ними, правда, смеются их же рабы и холопы. Но не очень громко. Опасаются, как бы им не попасть под мощные челюсти такой вот… демократии.

Стоны и скрипы половиц слышаться всё явственней. Потом смолкают.
Со стороны входа в разваленную избу раздаются громкие шаги.
Они с тревогой смотрят в ту сторону, откуда должен появиться человек.
Появляется Анатолий. *Крепкий, высокорослый, светловолосый. Он в чёрно-зелёном штормовом брезентовом костюме, в берцах, в зелёном берете, ха спиной автомат Калашникова. Подпоясан ремнём, но котором кинжал в ножнах и подсумок с несколькими противопехотными гранатами «Ф-1». За плечами автомат.*

Пыхайло *(удивлёно)*: – Так, ты, Анатолий, всё ещё у нас в доме гостишь?

Анатолий: – А куда я от вас денусь?

Ирина Трофимовна: – Я тоже считала, что ты уже ушел к своим ополченцам.

Анатолий: – Да я уже собирался уйти из вашей избы, как нас всех троих почти на крыльце и нарыло снарядом. Самоё смешное, что все мы целы и невредимы.

Пыхайло: – Вроде, такое припоминаю. Что-то взорвалось, и всех нас троих повалило прямо почти в сенях. Да, получается, ты к нам заходил, коли и тоже попал под осколки. Но зачем ты приходил? Этого не помню.

Ирина Трофимовна: – Тебя, кажется, послали к нам твои друзья-ополченцы попросить у нас лопату. Вроде, ты рассказывал, как вы воюете с фашистами, сколько их положили за последние три дня. Что-то ведь такого говорил. Да?

Анатолий: – Как будто, рассказывал. Ведь и – правда. Положили мы этих нарков великое множество. Им только со старушками и малыми детьми воевать, ублюдкам! Но, дорогие мои,

Ирина Трофимовна и Игнат Сидорович, без обиды скажу, что вас, всё-таки, контузило. Вы всё забыли. Если не всё, то многое. Я появился перед артобстрелом перед вами затем, чтобы предупредить вас. Вы должны были спрятаться в бомбоубежище.

Пыхайло: – Зачем?

Ирина Трофимовна: – Мы не собирались прятаться и бежать из собственной избы.

Анатолий: – А надо было бы. Я вам только и успел сообщить, что, по данным разведки народного ополчения, через пять-десять минут эти твари и недоноски будут обстреливать именно ваш жилой район из миномётов. Может, и артиллерию применят.

Пыхайло: – Да нам казалось, что дело идёт, пусть к временному, но затишью.

Ирина Трофимовна: – Вроде бы, подонки согласились на перемирие.

Анатолий: – Там некому верить. Заокеанская политика при одной извилине на всех, и та ниже пояса. Ведь вчера ещё, тоже в день, как бы, перемирия вас же бомбили *(показывает рукой вверх)*. Вон крыша… вся дырявая. Мы по радиоперехвату обо всём узнали. Но я не успел вам ничего сказать перед миномётным и артобстрелом, моим дорогим знакомым. Нас, всех троих, и накрыло. Вроде бы, артиллерийским снарядом или миной. Я не вникал. Я уже после того, как вы пришли в себя, очухался. Вот отлежался в сенях и зашёл. Теперь побуду у вас.

Пыхайло: – Садись, Толя, за стол. Может чаю, пусть холодного и мерзкого и без сахара, но попьём.

Ирина Трофимовна *(берёт чайник с печки, ставит на стол):* – Вода уже с готовой заваркой. Мы, как англичане, по бусурмански, прямо в кипятке и заваривали, а не в чайничке. Для экономии, да и так быстрей. Присаживайся!

Разливает чай по кружкам.

Анатолий *(садится)*: – Благодарю, конечно. Но я вернулся не чаи распивать. После такого мощного артобстрела, может, именно, здесь пройти и вражеская разведка. А нам уже хватит жертв. Эти сволочи никого не щадят. А уж я со своим автоматом, как-нибудь, троих-четверых гадов замочу. Шакалы завсегда трусливы. Им не воевать, а дерьмо через тряпочку сосать.

Игнат и Ирина Трофимовна тоже садятся.

Пыхайло: – Верно, конечно. Но нам придётся пить пустую холодную воду с заваркой, без сахара и кренделей.

Анатолий: – Да нормально! И вы уже про это говорили.

Ирина Трофимовна: – Ничего из продуктовых запасов у нас в избе не осталось.

Анатолий: – Через часа полтора закончится артобстрел и вылазки долбанных фашистов. Ребята их там… подзачистят, и я вам принесу чего-нибудь перекусить *(отхлёбывает чай из кружки)*. А к вечеру и к вам в посёлок привезут гуманитарную помощь

Всё пьют заваренную воду

Пыхайло: – Дико получается! Те, которые недавно считались своими, убивают нас только за то, что мы не хотим быть рабами нацистов. А вот соседняя страна под бомбами и ракетами снабжает нас медикаментами, одеждой, продуктами питания.

Ирина Трофимовна: – Спасибо им.! Если бы не они… А вот зарубежная пресса, в основном, упорно твердит, что у нас тут всё хорошо и… радостно.

Анатолий: – Если некоторые из них и приезжают сюда, то в упор не видят трупов мирных жителей, и разрушенных домов. Они снимают то, что уцелело, и находят и среди местных элементарных представителей из пятой колонны и провокаторов. Такая у зарубежных журналистов свобода средств массовой информации, и, вообще, свобода, и совесть. Но не будем говорить о дерьме. Оно того и не стоит.

Пыхайло: – Но есть, поговаривают, и среди них нормальные люди. Мало, но есть.

Ирина Трофимовна: – Если бы не было, то в жизнь окончательно бы не верилось. Я уже и так давно ничего не понимаю.

Анатолий: – Но будем верить и надеяться на то, что всё уладится. Да я в этом и не сомневаюсь. Сколько верёвочке не виться, а конец будет.

Пыхайло: – А мы вот, Анатолий, решили с Ириной завтра же вступить в вам, в народное ополчение,

Анатолий *(ставит кружку на стол):* – На полном серьёзе, что ли?

Ирина Трофимовна: – А чего шутить? Я не только стрелять умею, но, вполне, санитаркой могу быть.

Пыхайло: – А я служил не так и давно в танковых войсках. Водитель танка. Да и стрелком-наводчиком бывать приходилось.

Анатолий *(встаёт из-за стола, пожимает им руки)*: – Я очень рад! Я всячески такой поступок одобряю. Вы ведь оба – не старики. В самый раз для гражданской войны.

Пыхайло: – Какие же мы старики с Ириной? Нам ещё до старости, Толик, ещё шагать и шагать.

Ирина Трофимовна: – Я бы обиделась, если бы ты, Анатолий, назвал меня бабкой. Ещё рано мне стареть.

Анатолий: – Да, что вы, Ирина Трофимовна! Я же не тупой. Молодых и красивых сразу замечаю.

Пыхайло *(не без ревности)*: – Можно подумать, я свою Ирку кому-нибудь отдам.

Ирина Трофимовна: – Да брось ты, Игнат, дурью заниматься! Нашёл время ревновать, Кому я нужна?

Анатолий *(возвращается к недавней теме разговора)*: – А я вот тоже не так давно срочную отслужил, теперь вот здесь воюю. Уже по-настоящему. Пехота. Я – мотострелок. Как был сержантом, так и здесь остался. Командую отделением разведки. Но вот сюда пока к вам прислали. И правильно сделали. Убивать-то я научился. Но… не просто убивать, а мстить за невинно и жестоко погубленных. Всё законно и справедливо.

Пыхайло: – А что тут неясного? Все и всё понимают. Кроме высокопоставленных ослов из ряда очень и очень зарубежных стран. Да и местные воры и жулики под их дудочку пляшут.

Ирина Трофимовна: – Жестокая, гнусная и дикая действительность! Люди из столицы и западных и прочих городов страны, которую я считала и считаю своей родиной, пришли нас уничтожить. Им внушили, что они – волки, а мы – овцы.

Анатолий: – Разбойники и бандиты заслуживают смерти. И когда вот всё это закончится нашей победой, нельзя будет забыть их преступления и простить, За что прощать тех, кто убивал беззащитных. Очень часто своих родных, близких, друзей. Да пусть даже и не друзей, а просто людей! Какая разница!

Слышаться стоны и скрипы половиц и тут же смолкают.

Пыхайло: – Она, всё-таки, живая. Временами стонет.

Ирина Трофимовна: – Говорят, что нет в природе ничего мёртвого. Даже те, что умерли, всё равно, живы.

Анатолий: – Не понял. О ком это вы говорите?

Пыхайло: – О нашей израненной избе. Она то стонет, то молчит.

Ирина Трофимовна: – А ты разве, Анатолий, не слышишь эти стоны и даже всхлипы?

Анатолий: – Почему? Я слышал. Но я думал, что так ветер гудит. Теперь понимаю, что на вой ветра такие звуки не похожи. Но изба, конечно, не может быть живой. Не верю я новоиспечённым учёным. Сплошная фантастика и бред… с их стороны.

Пыхайло: – Кто его знает? Не все ведь среди них дураки. Попадаются и мыслящие. Что-то, всё одно, вокруг есть, что непонятно человеку.

Ирина Трофимовна: – Человеку? Не понятное? Да человек совершенно ничего не понимает. А за последнее время он превратился в жестокого зверя, в гадкое животное. Какой ему там Пушкин или Чайковский! Вся его духовная задача сводится к тому, что показать кому-то свою голую задницу или посмотреть на чью-нибудь, или завести себе овчарку и пугать ей прохожих! Сейчас очень многие думают о великой сытости и собственных удовольствиях за… чужой счёт.

Анатолий: – Это точно, Мы вот, к примеру, народные ополченцы, защищаем родину. Многие ведь приехали сюда с фашистами воевать даже из самых дальних стран. Они считают такие действия своим долгом. А как же ещё? Они нормальные и порядочные люди.

Пыхайло: – К чему ты об этом говоришь? Причём здесь наша плачущая изба и они? Какая тут связь?

Ирина Трофимовна: – Прямая связь. И я всё поняла. Речь о том, что здоровые, крепкие ребята и мужики бегут из наших городов и весей в соседнюю страну, как птенцы щипанные. Они не хотят погибать под бомбами и снарядами вместе со стариками и детьми. Не просто ведь желают жить. Они ищут земной рай для себя. Вместо того, чтобы с нормальными парнями да и, вообще, людьми защищать от фашистов собственную землю эти голубки едут требовать у соседних государств для себя личных благ. Они находятся в одной связки с женщинами и детьми. А потом ведь эти мужеподобные существа вернуться сюда, и будут и здесь требовать для себя чего-нибудь особенного и улыбаться всем, как ни в чём не бывало.

Анатолий: – Вот именно! Я об этом скотстве и хотел сказать. Но не успел. Вы, Ирина Трофимовна, прочитали мои мысли. А ведь таких, скажу прямо, дешёвых беженцев не сотни, а тысячи. Обидно да и стыдно за них. Я тоже ведь не здешний. Меня дома ждут – и жена, и две маленькие дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.